

А
Н. А. Добролюбов

Повести и рассказы

М. И. Воскресенского. В четырех частях. Москва, 1858

Наташа Подгорич

Роман М. И. Воскресенского. Четыре части. Москва, 1858

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах

Том первый. Статьи, рецензии и заметки (1853-1858)

Составление и вступительная статья Ю. Г. Буртина

Примечания Е. Ю. Буртиной

М., "Художественная литература", 1986

[OCR Бычков М. Н.](#)

Случалось ли вам бывать в обществе добрых и простых, даже *простоватых*, людей, которые все со вниманием и с подобострастием слушают какого-нибудь добродушного и самодовольного говоруна старичка? Старичок рассказывает старые анекдоты, перевирает разные водевильные и мелодрамные историйки, пускается в доморощенную философию, почерпнутую из прописей, сыплет остротами, избитыми донельзя, с важным видом, как с трудом добытое и новое собственное мнение, высказывает мысли, давным-давно всеми принятые и всем известные, словом -- старичок должен нагонять тоску невыносимую. А между тем -- все его слушают, смеются его каламбурам и анекдотам, удивляются глубокости его афоризмов, внимательно ждут окончания его рассказов. Вспомните, какое чувство овладевало вами при этом, если вы сами не принадлежали к этому обществу добрых и простых людей. Вам было как-то *неловко*, чего-то *совестно*... знаете, в том роде, как вам делается совестно, когда вы едете по железной дороге и вдруг сидящий рядом с вами, хорошо одетый господин, любезно обращается ко всем сидящим в вагоне с довольным видом начинает разговор, хотя такого содержания: "Какая быстрота! Это гораздо скорее, чем на лошадях. А знаете: ведь за границей уж давно строят такие дороги, еще прежде нашего начали. Да оно и хорошо, я этому очень рад. По моему убеждению -- чем скорее поедешь, тем больше пространства проедешь, хоть существует русская поговорка: тише едешь, дальше будешь" и т. д. Кажется, чем бы тут пикироваться? А все как-то неловко делается в обществе такого господина. Даже иной раз и покраснееешь за него. И не то чтобы чувство досады или огорчения возбуждалось в вас, вовсе нет. Старичок оказывается человеком, имеющим понятия довольно правильные, и если иногда говорит нелепости, то уж так наивно, что этим нисколько не возмущает ваших святых убеждений, сердиться на него не за что. Иной раз, конечно, приторна станет его болтовня, с претензиями на глубокомыслие и остроумие, вы хотели бы рассердиться и назвать все его рассказы -- пошлостью. Но нет, духу не хватит: старичок так добродушно самодоволен, так мягок и уступчив, при этом так радушно болтлив, что нет возможности рассердиться на него. И вы остаетесь с тем, что как-то все конфузится за него, конфузится за тех, кто его слушает, конфузится за себя, что попали в это общество, наконец, конфузится даже за то, что такое общество может существовать на свете. Вам делается как будто обидно это обстоятельство, вы его стыдитесь, как будто бы сами были виноваты в нем, и под конец вам становится отчего-то тошно и тяжело. Нечто подобное испытывали мы, пробегая четыре книжки повестей г. Воскресенского и его роман. Нам становилось отчего-то очень неловко, когда мы прочитывали напечатанные всеми буквами и беспрерывно вставляемые в рассказ фразы, вроде следующих: "Время -- великий врач; он исцеляет самые глубокие язвы души человеческой" ("Наташа", ч. II, стр. 152); "Весне -- цветы, а молодости -- любовь назначены самим провидением" (стр. 186); "Наконец -- мы не только догнали или пошли в уровень, но во многом еще и опередили те просвещенные страны, которые так недавно еще называли нас без церемонии северными варварами" ("Наташа", ч. I, стр. 10); "Идея совершенного равенства между людьми есть не больше как утопия" (ч. III, стр. 33); "В счастья время летит стрелою, а в горе ползет черепахою" (ч. IV, стр. 7); "Человек везде один и тот же: он нигде не ангел, но нигде и не дьявол, а везде -- середина между этими двумя полюсами, что решительно, по-моему, и составляет верное определение слова: человек" (ч. IV, стр. 196); "Благодаря железным дорогам и стальным перьям лети себе быстро, как стрела, как мысль, как время. Железная дорога мчит тебя тысячи верст в сутки. Стальное перо не уступает